

УДК 94(571.53)

А. А. Иванов

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ И АДМИНИСТРАЦИЯ ИРКУТСКА НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ: ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. Взаимоотношения колонии политических ссыльных и властных структур Иркутска и Иркутской губернии на рубеже XIX и XX веков носили сложный, изменчивый и нередко противоречивый характер. Они были продиктованы, с одной стороны стремлением администрации к ограничению численности ссыльных в губернском центре, с другой — вынужденным использованием их знаний и опыта в учреждениях и организациях Иркутска, испытывавших хронический дефицит управленческих и руководящих кадров. К тому же, и политические ссыльные, и чиновники городской и губернской администрации, имея в основе своей схожее по своей природе дворянское происхождение, не испытывали друг другу классовой антипатии и непримиримых противоречий, в известной степени, тяготели друг к другу, стремясь восполнить дефицит культурного общения. Однако такая ситуация не исключала участия ссыльных в оппозиционном движении местной интеллигенции и городских служащих, а также постоянного полицейского надзора за ссыльными со стороны властей и жандармов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Политическая ссылка; Иркутск на рубеже веков; оппозиционное движение; местная администрация; органы городского самоуправления.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 6 октября 2017 г.; дата принятия к печати 19 декабря 2017 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2017 г.

А. А. Ivanov

*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation*

POLITICAL EXILES AND IRKUTSK ADMINISTRATION ON THE BOUNDARY OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES: NATURE AND CHARACTERISTICS OF INTERACTIONS

ABSTRACT. Interactions between the political exiles colony and power structures of Irkutsk and Irkutsk Province on the boundary of the 19th and 20th centuries were complex, volatile and often contradictory. On the one hand, they were dictated by the administration's desire to limit the number of exiles in the provincial center, on the other hand — by the forced use of their knowledge and experience in institutions and organizations of Irkutsk that had a chronic shortage of administrative and managerial personnel. In addition, both the political exiles and bureaucracy of the city and the provincial administration had basically similar noble origin and did not feel any class antipathy and irreconcilable contradictions, and they were inclined towards each other in a certain point, seeking to fill the lack of cultural communication. However, this situation did not exclude the exiles' participation in the opposition movement of the local intelligentsia and the city employees, as well as the constant police supervision of the exiles by the authorities and gendarmes.

KEYWORDS. Political exile; Irkutsk at the turn of the century; opposition movement; local administration; city self-government bodies.

ARTICLE INFO. Received October 06, 2017; accepted December 19, 2017; available online December 29, 2017.

© А. А. Иванов, 2017

Иркутск всегда притягивал внимание политических ссыльных. Условия проживания здесь были значительно лучше, чем в уездных и волостных центрах. Город находился на юге губернии, а значит, в климатическом отношении был предпочтительней северных территорий. Наконец, Иркутск был культурным центром Восточной Сибири: здесь издавались газеты, работали театральные труппы, а, позднее, и синемаграф, существовали научные, просветительские и благотворительные общества и союзы. К тому же железная дорога, почта и телеграф, существенно сокращавшие расстояния, помогали ощутить сравнительную «близость» с Европейской Россией.

Политические ссыльные стремились в Иркутск в поисках постоянного заработка. Обширные знания в самых различных отраслях науки и техники, обладание дефицитными для Сибири специальностями, а также незаурядные организаторские способности и предприимчивость — все это позволяло «политикам» занимать ведущее положение в экономической структуре города. В свою очередь, иркутяне всегда охотно нанимали ссыльных: они были честны, грамотны, да и «стоили», в массе своей, значительно дешевле местных служащих.

Иркутск этого периода — крупнейший торговый центр на востоке страны. В многочисленных торгово-закупочных заведениях, экспедициях по снабжению северных территорий, банках, оптовых магазинах и складах города было занято несколько тысяч служащих. Видную роль в общественной жизни играл и клуб приказчиков, занимавший под стать своему значению огромный особняк Х.Г. Колыгиной на Большой (ныне — Дом офицеров). В обществе приказчиков работало немало ссыльных: председателем правления в 1900-е годы избирался С.А. Лянды, С.Л. Чудновский принимал деятельное участие в составлении библиотеки, в 1889 г. в качестве лектора здесь выступал Ф.В. Волховский, активно работали Г.М. Фриденсон и Г.А. Фальборк. Немало ссыльных служили непосредственно в торговых заведениях. В конторе А. Громовой «политики» вообще составляли большинство служащих. Некоторые из них занимали здесь ведущие должности: М.А. Натансон, С.Г. Стахевич, Д.Г. Любовец, А.Г. Лури и другие [1, с. 55].

Многие иркутские ссыльные нашли работу в селе Лиственничном на строительстве ледокола «Байкал». С октября 1898 г. сюда счетоводом был принят М.А. Натансон. Как следовало из справки начальника Иркутского губернского жандармского управления, «...некоторое время он был безупречен во всех отношениях, но ... приобретя доверие строителя ледокола, стал проявлять свои истинные качества. Пользуясь своим служебным положением, он незаметно сгруппировал вокруг себя людей одних с ним убеждений и наполнил контору лицами, политически неблагонадежными. Так, по его рекомендации были приняты состоящие под негласным надзором полиции Василий Кленов и Евгений Ростковецкий, административно ссыльный Илья Ромм и многие другие...»¹.

Сосредоточение в Лиственничном такого количества ссыльных, по мнению властей, было весьма опасным, так как это был «не только пункт сообщения с Забайкальем, но и место сбора рабочего народа», скапливавшегося здесь «преимущественно весной, в апреле месяце, в ожидании отхода лодок на Ангарские рыбные промыслы и на службу Байкальского пароходства, ... и осенью, в октябре месяце при возвращении с промыслов»².

Недостаток в Иркутске инженерных кадров существенно облегчал ссыльным проникновение на промышленные предприятия города. Революционеры с успехом служили в городских типографиях, обозных мастерских, кожевенных заводах и даже на железной дороге. Так, начальник Забайкальского жандармского поли-

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 184. Л. 1, 1 об.

² ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 49. Л. 25–25 об.

цейского управления Сибирской железной дороги сообщал в октябре 1900 г., что из Читы в управление в г. Иркутск переведены на службу ссыльные, состоящие под гласным надзором: Моисей Диковский, Владимир Чуйко и Николай Люри. Кроме названных, в управлении дороги уже работали «Сара Вальковна Померанец, Фаддей Рехневский и Иван Квятковский»³. В 1901 г. в управлении состояло на службе уже «девять лиц, сосланных за государственные преступления», а также имелось восемь бывших ссыльных, находящихся под негласным надзором⁴.

Обладая богатым опытом общественно-политической деятельности в Европейской России, бывшие ссыльные активно участвовали в выборных органах городского самоуправления. Так, с 1902 по 1903 годы иркутским городским головой был бывший «политик» Б.П. Шостакович, земледелец, организатор побега Я. Домбровского, высланный в Западную Сибирь и с 1887 г. живший в Иркутске. С 1897 по 1906 годы в Иркутской думе гласными были, по крайней мере, пятеро бывших «политиков» — Н.И. Глушков (1898–1901), И.И. Концевич (1898–1905), П.А. Милевский (1898–1901), И.И. Попов (1898–1905) и Б.П. Шостакович (1898, 1902–1906) [2, с. 99, 219, 253, 278, 310].

Невероятно, но политические ссыльные имелись даже в структурах Иркутской городской управы. Так, например, в 1901 г. здесь были постоянно заняты, по крайней мере, 14 опальных революционеров. Это К.С. Гаврилов и Е.П. Дзбановский, служившие писцами «на 60 руб. в месяц», М.П. Захлыстов — также писцом; П.И. Кларк, состоявший на службе секретарем Иркутской городской управы и исполнявший обязанности секретаря думы; А.Н. Козырев; И.И. Концевич, гласный городской думы, член городской училищной комиссии, письмоводитель городского сиропитательного суда, член совета общества взаимного вспомоществования приказчиков (клуб приказчиков); И.Я. Лихачев — на службе смотрителя мостов и застав, оценщика городских недвижимых имуществ; М.В. Люрье, служивший помощником делопроизводителя; Ф.А. Мартынский, работавший на городской скотобойне с жалованьем «в 40 рублей в месяц при готовой квартире»; И.В. Розанов, бывший писцом; И.М. Ромм — на службе младшим ординатором в Иркутской детской больнице; А.В. Тарасов — присяжным поверенным по городским делам; О.А. Труш — «в городской управе для письменных занятий»; И.А. Юхоцкий — городским техником с основным окладом в 1500 руб.»⁵

Все названные ссыльные были хорошо известны в Иркутскому губернскому жандармскому управлению. Имея богатое революционное прошлое, они и в Иркутске отличались «неблагонадежным» поведением. Так, А.Н. Козырев отбывал каторгу в Енисейске за организацию революционного кружка в Ярославле в 1880 г., потом был в Олекминском округе на поселении, затем привлекался в 1900 г. уже в Иркутске по делу о тайной типографии и хранении преступных воззваний; Е.П. Дзбановский за агитацию среди железнодорожных рабочих депо «Иркутск» в 1897 г. высылался в Якутскую область; А.В. Тарасов был неоднократно замечен «в сношениях с лицами поднадзорными»; и т.д.⁶

Иркутская колония политических ссыльных прирастала не только за счет революционеров, сосланных непосредственно в Иркутск. Немало «невольных гостей Сибири» проживало в местностях, находящихся вблизи города, в селениях Иркутского уезда. Пользуясь всевозможными предложениями, они часто приезжали в город и, не имея постоянной регистрации, все-таки оставались здесь на значительное время. Таких ссыльных достаточно трудно отделать собственно от «ир-

³ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 5. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 183. Л. 7–9.

⁶ Там же. Л. 7–8.

кутян». В качестве примера приведем лишь несколько фактов, относящихся к 1896–1901 годам. Так, «вполне своими» в иркутской колонии были: М.А. Богородская (Коленкина), формально приписанная к крестьянскому обществу Кузьминского селения; С.А. Борейша (Иванова), причислена в крестьянки Смоленской волости и состоявшая под гласным надзором без срока; С.А. Доллер (Шехтер), проживавшая в селении Куядском, «изъятая от действия манифеста 1896 года»; бывший каторжанин и ссыльнопоселенец А.Н. Козырев, значившийся в Смоленском; А.Г. Самойлов, состоявший под особым надзором полиции и проживавший в селе Михалево Иркутского уезда; А.А. Языков, формально находившийся в с. Гороховском, но живший в Иркутске⁷.

Из политических ссыльных Иркутска конца XIX — начала XX века следует упомянуть несколько известных имен. С 1892 по 1895 г. в Иркутске состояла под гласным надзором знаменитая «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская. Пережив неудачный побег из Баргузинской ссылки, Карийскую каторгу и восемь лет поднадзорного пребывания в Селенгинске, в Иркутске революционерка занималась больше культурничеством среди молодежи. Она пользовалась заметной популярностью у местных служащих и части рабочих, сотрудничала в «Восточном обозрении», помогала В.Л. Серошевскому в работе над книгой о быте якутов. По этому поводу генерал-губернатор А.Д. Горемыкин не раз спрашивавший у Попова: «Ну, что ваша Брешковская, все «Якутов» пишет? Ох, уж эти мне якуты. Как бы вместо якутов не вышла бы целая философия и тактика революционной борьбы в России, написанная в отделе, покровителем которого я состою» [3, с. 24].

Весьма примечательной личностью в иркутской колонии был и народоволец И.И. Попов. В 1885–1889 гг. за свою активную нелегальную деятельность среди студентов и рабочих Петербурга он отбыл административную ссылку в Кяхте, однако за связь с русской политической эмиграцией и передачу французской прессе материалов о Якутской трагедии, ему было запрещено покидать пределы Сибири. Тогда Попов связал свою судьбу с Иркутском, куда окончательно переехал в 1894 г. И здесь, как и в Кяхте, старый народоволец быстро оказался в центре общественно-политических событий: редактировал «Восточное обозрение», подняв ежедневный тираж газеты с 300 до 10 и даже 20 тысяч (!) экземпляров, был деятельным членом правления ВСОРГО, организатором всевозможных выставок, экспедиций и чтений, избирался в городскую думу.

И.И. Попов был известен и как талантливый журналист, писавший много, интересно и остро в сибирских газетах. Еще в Кяхте он попробовал себя впервые в качестве корреспондента, а его статьи об истории города и развитии чайного пути, об изучении связей сибиряков с Монголией и Китаем, экспедициях Д.А. Клеменца, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева были хорошо известны сибирякам. В Иркутске Попов продолжал занятия журналистикой, и за постоянную и нелюбимую критику в адрес местных губернских чиновников неоднократно привлекался в судебном и административном порядке. При этом главной задачей сибирской прессы, и в первую очередь «Восточного обозрения», он считал «создание возможно полной картины общественной и культурной жизни, со всеми текущими явлениями», не скрывая «недугов общества и темных сторон его»⁸.

Самой уважаемой фигурой иркутской колонии был, безусловно, Марк Андреевич Натансон. Впервые Натансон был выслан в Восточную Сибирь еще в 1878 г.⁹ Он жил в Верхоленске, затем с 1887 г., в Иркутске. Жандармы неоднократно

⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 183. Л. 7–8.

⁸ Восточное обозрение. 1895. № 33.

⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 36. Л. 20, 30.

фиксировали его встречи с самыми различными людьми — ссыльными, местной интеллигенцией, чиновниками. Из рапорта начальника ИГЖУ Иркутскому генерал-губернатору от 30 октября 1887 г. следовало, что административно-ссыльный Натансон пользовался «выдающимся значением среди ссыльных», при этом к нему стекались из разных мест сообщения, «проникнутые самым враждебным к правительству духом»¹⁰.

Срок первой ссылки М.А. Натансона закончился в 1889 г. Он выехал в Европейскую Россию, был среди организаторов партии «Народное право», а в 1895 г. был вновь отправлен в Сибирь и в 1896 г. опять оказался в Иркутске. Как вспоминал И.И. Попов, Натансон являлся «старейшим революционером в Иркутске», его уважали товарищи, а «молодежь благоговела перед ним». Марк Андреевич пользовался большим авторитетом не только у революционеров. Громов, у которого тот управлял конторой, «почитал и побаивался его». Губернская администрация относилась к Натансону «с предупредительной деликатностью», а ссыльные «уважали Марка», подтрунивая иногда лишь над его страстью к излишней конспирации — ведь в провинциальном Иркутске каждый «политик» был на виду, и всем было все известно [4, с. 197–208].

Разрешение ссыльным, пусть даже и бывшим, служить в промышленных и торговых заведениях города, в его властных и общественных структурах, полностью дискредитировало цель и задачи наказания государственных преступников сибирской ссылкой. Вместо «как можно более прочной изоляции общества от вредной во всех отношениях антиправительственной пропаганды», политические ссыльные получали все необходимые условия для распространения «революционных идей» среди рабочих, служащих и учащихся города. Знаменитая ленинская фраза о том, что лица «с безупречным политическим прошлым», делают даже самую глухую провинцию «непокойной», в полной мере относится и к Иркутску [5, с. 305].

Осознавая пагубность подобной практики, высшие властные структуры и жандармы неоднократно пытались исключить город Иркутск из перечня мест, предназначенных для поселения политических ссыльных. Так, еще в 1887 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления Фон Плотто предлагал не отправлять в Иркутск «лиц, состоящих под надзором полиции за государственные преступления», так как здесь «проживает весьма много бывших преступников этого рода, нисколько не отрешившихся от прежних своих убеждений, но ускользающих вовсе от надзора в силу освобождения от оногo или таких, которые прибыли по окончании срока надзора из других мест и потому не известны полиции...»¹¹.

В 1901 г. иркутский губернатор И.П. Моллериус в представлении иркутскому военному генерал-губернатору от 22 декабря ходатайствовал о прекращении всякого доступа в Иркутскую губернию и город Иркутск «причисленным вне ее административно-ссыльным», в особенности, распределенным в Забайкальскую область¹². В январе 1903 г. он же отмечал, что высылки в Иркутск не только не прекратились, но и увеличились, так как Департамент полиции выдает разрешение практически всем бывшим и настоящим ссыльным, желающим остаться в городе. Такая политика «имеет своим последствием небывалое скопление в Иркутске ссыльных по государственным преступлениям», что «...делает их склонным к различным противодействиям администрации»¹³.

¹⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 5. Л. 1 об.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 184. Л. 37.

¹³ Там же. Л. 55.

«Я, — писал губернатор, — в интересах населения города Иркутска, полагал бы выдворить из Иркутска всех поднадзорных, проживающих в нем временно, в том числе и бывших студентов, водворенных в уездах Иркутской губернии и отказавшихся возвратиться в пределы Европейской России, на места их водворения, ни под каким предлогом не разрешать вновь проживать в Иркутске поднадзорным лицам и лицам, сосланным по суду за государственные преступления, и, наконец, возвращающимся в Европейскую Россию из Якутской области студентам предлагать немедленно же продолжать свой путь, а при неисполнении этого требования, высылать их на место родины при партиях...»¹⁴.

Несмотря на постоянные обращения в Министерство внутренних дел и Департамент полиции, все усилия иркутских властей освободить город от политических ссыльных были тщетными. Тогда-то, наверное, и возник у генерал-губернатора А.Н. Селиванова проект сосредоточения революционеров, прибывающих в губернию, в одном-двух местах на принципах каторжного тюремного содержания. Во Всеподданнейшем отчете за 1906–1907 год Селиванов для ограждения населения от действия «противоправных идей» политических ссыльных, предложил, во-первых, значительно расширить вместимость Александровской центральной каторжной тюрьмы, построив на ее территории дополнительно, помимо имеющегося, еще одно отдельное здание, а во-вторых, устроить особую каторжную колонию «на острове Ольхоне с одиночным корпусом на 200 человек»¹⁵.

Оба предложения, по всей видимости, не получили поддержки, однако А.Н. Селиванов не отказался от своего плана. В 1910 г. на остров Ольхон по поручению генерал-губернатора был отправлен топографический отряд из четырех офицеров, подготовивших подробное обоснование этого проекта. Предлагалось устроить колонию в южной половине острова, на территории в 30 квадратных верст, с площадью огражденной застройки в 3–5 верст. Для колонии была выбрана равнинная местность, с близлежащими источниками воды и лесом, с песчаной почвой и двумя вершинами для устройства вышек. Одна вершина находилась «к юго-западу от улуса Бубей, а вторая — к югу от улуса Халгай»¹⁶.

Несмотря на постоянное стремление оградить город от революционной пропаганды, высшая администрация относилась к ссыльной народнической интеллигенции, оседавшей в Иркутске в 1880–1890-е годы, весьма и весьма лояльно. По воспоминаниям И.И. Попова, все генерал-губернаторы, назначенные в Иркутск, поначалу испытывали к «политикам» «настороженность» и даже «враждебность», пытаясь обнаружить в их существовании источник революционной оппозиции. Но затем, видя огромную работу, производимую ссыльными «на благо края» и «общественности», постепенно меняли свои негативные представления и начинали «снисходить» и даже «благоволить» к «невольным гостям». Высшие чиновники, как говорит Попов, неизменно со временем «осибиричались» и проникались сибирскими интересами [1, с. 113].

К примеру, генерал-губернатор А.Д. Горемыкин (1889–1900), — как вспоминал ссыльный С.Ф. Ковалик, — относился весьма благосклонно к Д.А. Клеменцу, «и однажды за его работы в Географическом обществе подарил ему часы» [6, с. 169]. По свидетельству И.И. Попова, тот же Горемыкин неоднократно публично признавал ведущую роль ссыльных в работе ВСОРГО, выделяя при этом особо Е.К. Брешко-Брешковскую, М.А. Натансона, В. Серошевского. Он, — пишет

¹⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 184. Л. 54–56.

¹⁵ Всеподданнейший отчет Иркут. генерал-губернатора за 1906–1907 гг. Иркутск, 1907, л. 16.

¹⁶ Об устройстве на острове Ольхоне колонии для ссылокаторжных и колонии для административно и по суду высланных в Сибирь на поселение за государственные преступления) : к записке Иркутского генерал-губернатора. Иркутск, 1910. С. 11.

автор, — вообще «любил полиберальничать и щегольнуть своей терпимостью» и «иногда разрешал ссылкеному из деревни переехать в Иркутск» [1, с. 58].

Сменивший Горемыкина А.И. Пантелеев (1900–1903), командовавший до этого назначением Отдельным корпусом жандармов, быстро сошелся с иркутским обществом и «стал к нему несравнимо ближе, чем Горемыкин». При этом он никогда «не препятствовал» «Восточному обозрению», а ссылканая колония при нем «увеличилась значительно». Следующий генерал-губернатор П.И. Кутайсов (1903–1905) начал свое правление с «закручивания гаек» в отношении ссылчных, однако это в большей степени относилось к якутским «политикам», требовавшим в 1903 г. слишком больших и незаслуженных привилегий. В конце концов «положение ссылчных при нем, стало не хуже, чем при его предшественнике, и во многих отношениях Кутайсов оказался покладистее, чем Пантелеев...». Всегда «шел навстречу» и стремился облегчить режим содержания ссылчным и иркутский губернатор И.П. Молериус (1897–1905). Чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе А.А. Корнилов (после 1905 г. — один из лидеров партии кадетов, историк общественного движения в России) и делопроизводитель М.М. Дубенский были вообще «своими» среди ссылчных Иркутска [1, с. 63, 65, 66].

В это трудно поверить, но, по словам И.И. Попова, начальник Иркутского губернского жандармского управления полковник А.И. Левицкий также проявлял большую лояльность к ссылным. Он никогда «не чинил» Попову, как бывшему ссылкеному, владельцу и редактору газеты, «препятствий» и нередко разрешал свидания с государственными преступниками, пересылаемыми через Иркутск дальше на север, в Якутскую область, или за Байкал. «Иногда» с разрешения полковника Попов «брал высылаемых на поруки или под залог», т.е. устраивал нелегально в Иркутске на временное жительство. И уж совсем фантастично выглядит утверждение автора о том, что «от Левицкого» он нередко «получал и нелегальную литературу»? [1, с. 64, 65].

В чем причина такого безгранично лояльного отношения к ссылным? В служебной халатности? В отсутствии должного полицейского надзора? В изъянах уголовного законодательства? По всей видимости, эти факторы имели место, но главная причина кроется не в этом, а, на наш взгляд, в дворянском происхождении большинства осужденных революционеров-народников, в сословной солидарности, которую невольно (или вольно) испытывали иркутские власти к близким по происхождению и социальному положению до ссылки государственным преступникам. Немалую роль при этом играло и известное совпадение взглядов местной администрации и ссылных по целому ряду принципиальных вопросов социально-экономического и политического развития Сибири, главнейшими из которых надо считать окончательную отмену уголовной ссылки, введение на территории региона суда присяжных и земских институтов, развитие высшего образования сибиряков, а также родного языка и культуры инородцев.

В свою очередь, и политическая ссылка, как это ни странно может выглядеть на первый взгляд, также испытывала к администрации города и губернии лояльное отношение. «Старая», народническая ссылка Иркутска конца XIX века, сохраняя в массе своей политические убеждения 70-х годов и стремление к «освобождению» «народа», все же заметно подрастеряла свой революционный пыл. Продолжая оставаться в активной оппозиции к самодержавному государству, и, в первую очередь, собственно к императору, она все-таки не видела в иркутских генерал-губернаторах «царских сатрапов», «гонителей свободы». Надо учитывать и то, что в колонии (и не только в Иркутской) преобладало убеждение о вынужденном временном прекращении нелегальной работы, о необходимости «сохранения сил» до возвращения в Европейскую Россию. Именно там, в центре, и возможна

настоящая «революционная работа», — считали народники. Здесь же, в Сибири, в Иркутске можно и нужно действовать только легальными методами, сосредоточив все усилия на «пробуждении» «общественности», «воспитании гражданственности» сибиряков, критике отдельных сторон деятельности высшей региональной администрации. Следует сказать, что в реализации этих задач иркутская ссылка достигла заметных результатов.

Список использованной литературы

1. Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора / И. И. Попов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. — 384 с.
2. Петров А. В. Городские головы, гласные и депутаты. 1787–2014 / А. В. Петров, М. М. Плотникова. — Иркутск : Оттиск, 2014. — 448 с.
3. Попов И. И. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Бабушка русской революции / И. И. Попов. — М. : Задруга, 1917. — 42 с.
4. Попов И. И. Минувшее и пережитое (воспоминания за 50 лет). В 2 ч. / И. И. Попов. — Л. : Колос, 1924. — Ч. 2 : Сибирь и эмиграция. — 290 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений В 55 т. / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1967. — Т. 5 : Май-декабрь 1901. — 613 с.
6. Ковалик С. Революционеры-народники в каторге и ссылке / С. Ковалик // Каторга и ссылка. — 1924. — № 4 (11). — С. 131–172.

References

1. Popov I. I. *Zabytye irkutskie stranitsy. Zapiski redaktora* [The forgotten pages of Irkutsk. Editor's notes]. Irkutsk, East Siberia Book Publ., 1989. 384 p.
2. Petrov A. V., Plotnikova M. M. *Gorodskie golovy, glasnye i deputaty. 1787–2014* [Mayors, Commons and Deputies. 1787–2014]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2014. 448 p.
3. Popov I. I. *Ekaterina Konstantinovna Breshko-Breshkovskaya. Babushka russkoi revolyutsii* [Ekaterina Konstantinovna Breshko-Breshkovskaya. Grandmother of the Russian Revolution]. Moscow, Zadruga Publ., 1917. 42 p.
4. Popov I. I. *Minuvshee i perezhitoe (vospominaniya za 50 let)*. [The Past and The Life-Experienced (memories of the 50 years)]. Leningrad, Kolos Publ., 1924, vol. 2. 290 p.
5. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete set of works]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, vol. 5. 613 p.
6. Kovalik S. Revolutionary populists in penal colony and exile. *Katorga i ssylka = Penal Colony and Exile*, 1924, no. 4 (11), pp. 131–172. (In Russian).

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, политологии и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: ottisk@irmail.ru

Author

Alexander A. Ivanov — Doctor habil. in History, Professor, Chair of History, Political Science and Regional Studies, Department of History, Irkutsk State University, 2 Chkalov St., 664025, Irkutsk; e-mail: ottisk@irmail.ru

Для цитирования

Иванов А. А. Политические ссылки и администрация Иркутска на рубеже XIX и XX веков: характер и особенности взаимоотношений / А. А. Иванов // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8, № 4. — DOI : [10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).3](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).3).

For Citation

Ivanov A. A. Political exiles and Irkutsk administration on the boundary of the 19th and 20th centuries: nature and characteristics of interactions. Baikal Research Journal, 2017, vol. 8, no. 4. [10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).3](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).3). (In Russian).